

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1714](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714)

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова

**УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ:
СОЛИДАРНОСТЬ И ДОВЕРИЕ ГОСУДАРСТВУ
КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ МИГРАНТОВ В РОССИИ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Правильная ссылка на статью:

Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>.

For citation:

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia During the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 488–511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>. (In Russ.)

УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ: СОЛИДАРНОСТЬ И ДОВЕРИЕ ГОСУДАРСТВУ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ МИГРАНТОВ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Аннотация. Мигранты относятся к числу уязвимых групп, для которых столкновение с чрезвычайной ситуацией,

VULNERABLE GROUPS IN DISASTERS: SOLIDARITY AND TRUST IN GOVERNMENT AS THE BASIS FOR MIGRANT STRATEGIES IN RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Master of Sociology, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Migrants are one of the vulnerable groups for whom confronting an emergency, whether it be a hurricane or

такой как ураган или эпидемия, как правило, сопряжено с особенно высокими рисками. Эти риски могут быть нивелированы или, наоборот, усилены в зависимости от того, как группа реагирует на эту ситуацию. Имеющиеся научные работы содержат в большей степени экспертные оценки и редко основываются на эмпирических данных; они свидетельствуют, что положение мигрантов в разных странах, включая Россию, в условиях пандемии COVID-19 можно охарактеризовать как уязвимое в плане эпидемиологических и экономических рисков. Исследований же о том, как именно мигранты в России или в других странах реагировали на пандемию коронавируса, найти не удалось. В этой статье мы определяем стратегии мигрантов в России в контексте их реагирования на ситуацию пандемии и введения карантинных мер в 2020 г. Исследование основано на данных онлайн-опроса, проведенного с помощью таргетинга в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram среди мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана и местных жителей ($N=2074$). Мы выделяем две переменные: (1) высокий или низкий уровень солидарности и (2) доверие или недоверие российскому государству, — и на их основании конструируем четыре стратегии. В отличие от местных респондентов, среди мигрантов гораздо меньше распространена стратегия, предполагающая низкий уровень солидарности и недоверие государству, а преобладают стратегии, в которых заложены высокий уровень солидарности и доверие государству — или как минимум один из этих элементов. Мы предполагаем, что именно распространенность этих стратегий способствовала тому, что мигранты в России смогли пережить пер-

an epidemic, usually carries a particularly high risk that can be mitigated or intensified depending on the reaction of the group. Available academic literature largely contains expert opinions and is less likely to be grounded in empirical evidence. This literature demonstrates that the situation of migrants across different countries, including Russia, amidst the COVID-19 pandemic can be qualified as vulnerable in terms of epidemiological and economic risks. However, attempts to find studies describing how exactly migrants in Russia responded to the coronavirus pandemic ended in a failure. The article defines the strategies of migrants in Russia in terms of their reaction to the spring 2020 lockdown. The study is based on the data from an online survey conducted among migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan and non-migrants ($N=2074$) using targeting on social media (Vkontakte and Instagram). Four strategies were constructed on the basis of two variables: (1) a high or low level of solidarity and (2) trust or distrust in the Russian state. Unlike non-migrants, migrants are less likely to adopt a strategy implying low levels of solidarity and distrust in the state and more likely to adhere to the opposite strategies (high level of solidarity and trust in the state — or at least one of these elements). Based on the characteristics of the migrant situation in Russia, the authors assume that it was the prevalence of those strategies that contributed to the fact that the migrants in Russia were able to survive the first wave of the coronavirus crisis and lockdown suffering fewer losses than expected.

вую волну коронавируса и карантинных ограничений с меньшими потерями, чем можно было ожидать, ориентируясь на характеристики их положения в России.

Ключевые слова: уязвимость, чрезвычайные ситуации, катастрофа, коронавирус, COVID-19, мигранты, Россия

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ характеристик расселения иностранных мигрантов в России в контексте необходимости их интеграции в российское общество» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2020 г.

Keywords: vulnerability, coronavirus, COVID-19, migrants, Russia, emergencies, catastrophe

Acknowledgments. The article is based on the research work “Analyzing the characteristics of the foreign migrant settlement in Russia because of the necessity to integrate into the Russian society”, RANEPА, 2020.

Введение

В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о пандемии коронавируса, в связи с чем в большинстве стран были введены ограничения, границы закрыты, и жизнь практически замерла. Социальные ученые стали изучать, какое воздействие на людей оказывает пандемия [Belot et al., 2020; Coibion, Gorodnichenko, Weber, 2020; Dang, Giang, 2020; Perrotta et al., 2020]. Отдельные тексты посвящены тому, как пандемия скажется на мигрантах в разных странах, однако они скорее носят характер экспертных оценок, чем представляют результаты эмпирических исследований. В таких публикациях подчеркивается, что мигранты и особенно живущие в лагерях и специальных центрах временного содержания беженцы и лица, ищущие убежище, — одна из наиболее уязвимых групп населения, поскольку их доступ к системе здравоохранения, как правило, ограничен [Kluge et al., 2020]. В таких публикациях подчеркивается, что мигранты и особенно живущие в лагерях и специальных центрах временного содержания беженцы и лица, ищущие убежище, — одна из наиболее уязвимых групп населения, поскольку их доступ к системе здравоохранения, как правило, ограничен [Vopen et al., 2020], получить надежную информацию о заболевании на родном языке затруднительно¹, их позиции на рынке труда не защищены [Ivakhnyuk, 2020], а кроме того, их правовой статус может быть «подвешен» в силу карантина [Bhopal, 2020]. Более того, эксперты отмечают, что пандемия коронавируса, будучи сопряженной с массовой потерей дохода мигрантами, может негативно сказываться на домохозяйствах, которые зависят от денежных переводов, в странах их про-

¹ Interim guidance for refugee and migrant health in relation to COVID-19 in the WHO European Region // World Health Organization. Europe. 2020. 25 March. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Interim-guidance-refugee-and-migrant-health-COVID-19.pdf> (accessed: 22.07.2020).

исхождения, [Ratha et al., 2020]. Не менее важно и то, что во время эпидемий может обостряться ксенофобия в отношении мигрантов [Onoma, 2019; Vieira et al., 2020]. Тем не менее публикаций, в которых на конкретных данных было бы показано, какое воздействие пандемия COVID-19 оказала на жизнь мигрантов в той или иной стране и как мигранты справлялись с ситуацией пандемии, нами обнаружено не было.

Существующие работы, в которых исследуется, как этнические меньшинства и, в частности, мигранты переживают эпидемии, ураганы и прочие чрезвычайные ситуации, демонстрируют разнонаправленные результаты. Однако они сходятся в том, что реакция сообщества может нивелировать риски, которые несут в себе эти ситуации, и способствовать быстрому восстановлению прежней жизни [Li et al., 2010; Uekusa, 2020]. Опираясь на эти наработки исследовательского поля, называемого исследованиями катастроф (disaster studies), в этой статье мы предлагаем концептуальную рамку, в соответствии с которой существует четыре стратегии, то есть типичные реакции на чрезвычайную ситуацию, например пандемию. Они задаются, с одной стороны, уровнем солидарности, а с другой — доверием государству, и различаются своей «успешностью». На основании анализа данных, полученных в ходе опроса мигрантов и местных жителей весной 2020 г. ($N = 2074$), мы показываем, какие стратегии были характерны для мигрантов, а кроме того, обсуждаем, насколько успешными они оказались.

Статья организована следующим образом: на основе анализа литературы мы обсуждаем теоретическую рамку, затем описываем дизайн и контекст исследования, после чего представляем результаты и предлагаем их интерпретацию.

Обзор литературы и теоретическая рамка

Исследований, в которых изучается поведение мигрантов в связи с какими-либо вспышками заболеваний, не так много. В первую очередь миграция рассматривается как фактор риска при распространении вирусных заболеваний, а мигранты — как особо эпидемиологически уязвимая группа [Barnett, Walker, 2008; Biao, Wong, 2003; Greenaway, Gushulak, 2017; Wickramage, Peiris, Agampodi, 2013], хотя в части случаев распространяющиеся среди местного населения опасения относительно того, что мигранты несут в себе эпидемиологические угрозы, — не более чем проявление ксенофобии [Onoma, 2017; Onoma, 2018]². Уязвимость мигрантов перед лицом пандемий может иметь, кроме того, экономическое измерение: мигранты теряют работу чаще остальных [Biao, Wong, 2003].

Эпидемии — только одна из разновидностей чрезвычайных ситуаций, которые, в свою очередь, являются объектом изучения отдельной предметной области — исследований катастроф (disaster studies). Результаты этих исследований свидетельствуют, что степень уязвимости перед лицом катастрофы варьируется в разных группах населения, а характеристики людей и сообществ, а также паттерны их поведения способствуют или препятствуют прохождению через эти бедствия с минимальными потерями и быстрым восстановлением [Gilbert, 1995]. Исследования

² См. также: Report on the Health of Refugees and Migrants in The WHO European Region: No Public Health Without Refugees and Migrant Health // World Health Organization. Europe. 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311347/9789289053846-eng.pdf> (accessed: 22.07.2020).

в разных странах показывают, что важным фактором, связанным с более высокой уязвимостью перед лицом катастроф, является принадлежность к этническим меньшинствам [Collins, 2010; Hutanuwatr, Bolin, Pijawka, 2012; Peacock, Girard, 1997]. Тем не менее «успешная» стратегия сообщества способна нивелировать риски, которые несет в себе критическая ситуация: например, в результате урагана Катрина в 2005 г. жители вьетнамского района в Новом Орлеане (США) восстановили свою жизнь на прежнем месте быстрее остальных, тогда как некоторые другие районы не восстановились до сих пор [Chamlee-Wright, Storr, 2009; Li et al., 2010]. Такую успешность вьетнамского сообщества исследователи связывают с социальной сплоченностью и налаженной коммуникацией, позволившими его членам быстро вернуться в свой район после эвакуации, будучи уверенными в том, что их соседи тоже вернутся, а также наладить диалог с представителями власти и получить от них максимально возможную помощь [Chamlee-Wright, Storr, 2009]. Афроамериканские сообщества Нового Орлеана, которые сильнее других пострадали в ходе урагана Катрина и восстанавливались очень медленно, напротив, характеризовались атомизацией [Uekusa, 2020] и низким уровнем доверия к представителям государственной власти [Pyles, Cross, 2008]. Изучая, как в целом сообщества могут реагировать на катастрофические события, исследователи выделили «здоровые» и «деструктивные» типы реакций, или типы сообществ (therapeutic community и corrosive community) [Lidskog, 2018]. Для «здорового» сообщества катастрофа — это ситуация, в которой его члены ориентированы на помощь друг другу и на кооперацию с государством, что способствует менее болезненному прохождению через этот опыт. Второй тип — «деструктивное» сообщество — предполагает рост разобщенности и даже социальной напряженности между его членами, а также недоверие государству: на такие сообщества катастрофы оказывают гораздо более сильное негативное воздействие. Научная литература, описывающая реакцию сообществ мигрантов на другие катастрофические события, позволяет допустить существование третьего типа, который характеризуется использованием социального капитала сообщества и избеганием взаимодействий с государством, в котором эти сообщества видят скорее угрозу (например, депортации), чем источник помощи [Donner, Rodríguez, 2008].

Мы предполагаем, что существует четыре возможные реакции сообщества на катастрофическое событие, которые определяются двумя параметрами: во-первых, уровнем солидарности, а во-вторых — доверием государству. Первая реакция характеризуется высоким уровнем солидарности и доверием государству — это то самое «здоровое сообщество», описанное выше, имеющее наиболее высокую вероятность пережить катастрофу без значительных потерь и быстро восстановиться. Для второй реакции характерны высокий уровень солидарности и недоверие государству. Как описано выше, эта реакция встречается среди сообществ мигрантов, и она, по всей видимости, может приводить к несколько менее благоприятному исходу, чем в первом случае. Третья реакция — это низкий уровень солидарности и недоверие государству, аналог описанного «деструктивного» сообщества; она имеет, по всей вероятности, наименьшие шансы на благоприятный исход. Наконец, четвертая реакция — это низкий уровень солидарности при доверии государству; она возможна тогда, когда люди полагаются на высшую власть и при

этом считают, что окружающие стремятся их обмануть и использовать, а потому помогать им не следует. Такая реакция, по всей видимости, будет уступать первой реакции по успешности преодоления катастрофической ситуации, но, возможно, будет успешнее третьей, ассоциируемой с «деструктивным» сообществом. Впрочем, возможны ситуации, когда оценки «успешности» этих реакций будут обратными описанным выше. Например, если государство больше ориентировано на проверку документов и поиск мигрантов с неурегулированным статусом, чем на оказание помощи, кооперация с таким государством для сообщества, где преобладают мигранты с неурегулированным статусом, может оказаться проигрышной. Что касается солидарности, то на групповом уровне ее высокая степень, скорее всего, связана с положительным исходом, тогда как для индивида атомизация в каких-то контекстах может быть выгоднее, чем стремление помогать окружающим.

Эти реакции сообщества мы будем называть стратегиями, с необходимой оговоркой: стратегия в нашем случае подразумевает некоторый суммарный вектор действий или установок совокупности людей с определенными характеристиками, а не рационально выбранную линию поведения на индивидуальном уровне. Кроме того, термин «сообщество», обозначающий в обычном случае жителей одного района, которые слабо отличаются друг от друга по социально-экономическим и этническим характеристикам, мы будем использовать применительно к совокупностям людей (мигрантам и местным жителям) без географической привязки. Это обусловлено тем, что, во-первых, пандемия коронавируса затронула практически весь земной шар, в отличие от отдельного происшествия, например урагана. Во-вторых, в России в целом и в Москве в частности, по наблюдениям исследователей [Вендина, Панин, Тикунов, 2019], хоть и появляются территориальные единицы, где концентрация мигрантов выше, чем в среднем по населенному пункту [Варшавер и др., 2020], но проживание мигрантов и местных жителей тем не менее характеризуется смешанностью. Таким образом, далее мы будем говорить о стратегиях мигрантов и немигрантов в ответ на пандемию как о синонимах реакции на нее этих двух сообществ.

В этой статье мы попробуем определить, какой стратегии придерживались мигранты в России во время коронавирусной волны весной 2020 г. и отличалась ли она от стратегии местных жителей.

Дизайн исследования

Статья основана на анализе данных, собранных в ходе онлайн-опроса, проведенного на платформе SurveyMonkey с помощью таргетинга в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram с 23 апреля по 19 мая 2020 г. Этот метод опроса предполагает, что рекламное объявление со ссылкой на анкету демонстрируется тем пользователям социальной сети, чьи характеристики соответствуют установленным исследователями критериям. В нашем случае в каждой социальной сети действовали шесть рекламных кампаний: рекламные кампании для местных жителей, для мигрантов из Кыргызстана и для мигрантов из Узбекистана, проживающих в России в целом и в Москве в отдельности. Выбор этих двух стран обусловлен тем, что они входят в число стран, откуда в Россию приезжает наибольшее число мигрантов, и при этом различаются между собой в части положения своих граждан

в России, поскольку Кыргызстан входит в ЕАЭС, а Узбекистан — нет. В рекламных кампаниях во «ВКонтакте», направленных на мигрантов, таргетировались участники этнически маркированных групп (151 «кыргызская» группа и 196 «узбекских» групп). В Instagram в качестве мигрантов таргетировались пользователи, имеющие интересы, связанные с «Кыргызстаном», «Узбекистаном», «Ташкентом» и «узбекским языком». Никаких специфических критериев для таргетинга местных респондентов не применялось. Во всех случаях таргетировались пользователи старше 18 лет, находящиеся в Москве или в России в целом³. Креатив, то есть рекламное объявление, включающее в себя изображение и текст, для мигрантов был представлен на кыргызском или узбекском языке и содержал фразу: «Из Узбекистана? Сейчас в России? Как коронавирус повлиял на Вашу жизнь? Пройти опрос» (см. рис. 1). Креатив для группы местных респондентов спрашивал пользователей: «Как коронавирус повлиял на Вашу жизнь?» и призывал «Пройти опрос» (см. рис. 2). Всего в базу данных включены ответы 2074 респондентов. Проведение онлайн-опроса сопряжено с рядом смещений, которые на данном этапе затруднительно компенсировать и даже зафиксировать в полной мере, тем не менее внешняя валидация собранного массива позволяет предположить, что в нем несколько перепредставлены респонденты молодого возраста, учащиеся и респонденты с более высоким уровнем образования, а также работники сферы торговли и услуг⁴.

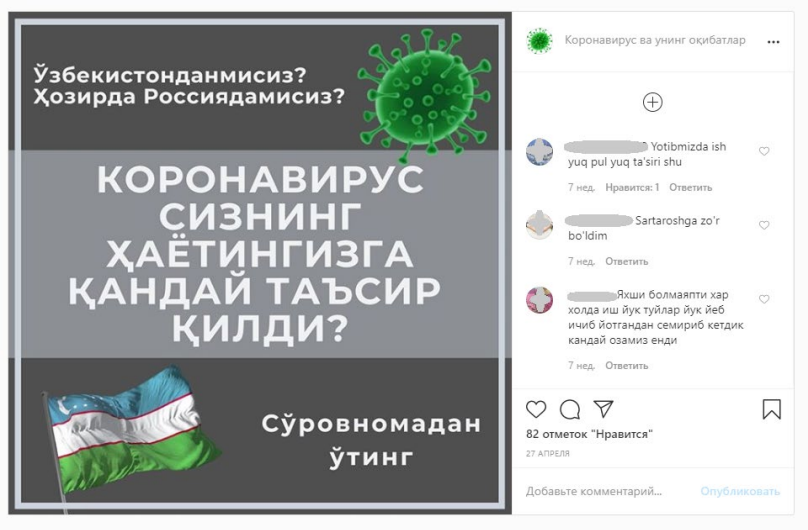

Рис. 1. Креатив для мигрантов из Узбекистана для Instagram

³ Местоположение при таргетировании определяется самой социальной сетью, а кроме того, в анкете содержатся вопросы, позволяющие это местоположение проверить.

⁴ Более подробно о методологии опроса, а также о возможных смещениях можно прочитать в отчете: «Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса» [Варшавер, Иванова, Рочева, 2020].

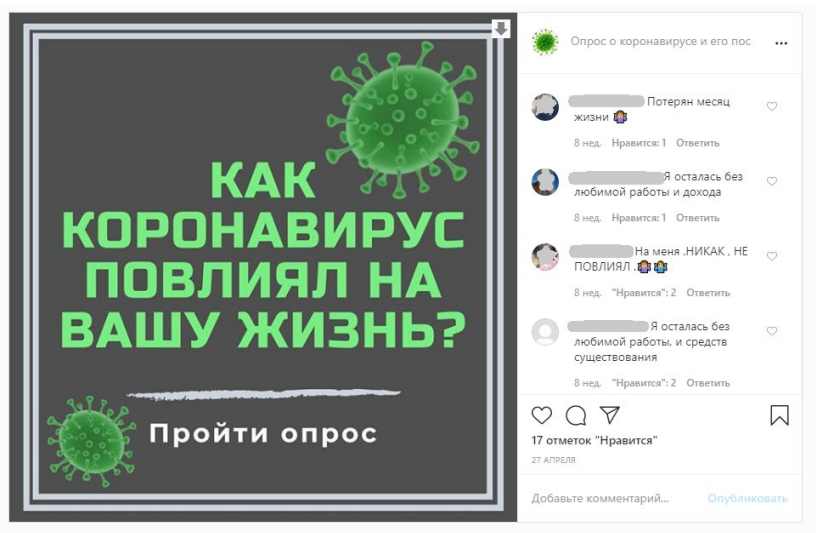

Рис. 2. Креатив для местных респондентов для Instagram

Анкета, предложенная респондентам на русском, кыргызском и узбекском языках, включала в себя блоки про социально-демографические характеристики, рынок труда во время пандемии, характеристики расселения, установки и отношение к коронавирусу и карантину, медицинские практики, тревожность и уровень счастья.

На основании ответов на вопросы о месте рождения и нынешнем гражданстве были сконструированы три группы: мигранты из Кыргызстана, мигранты из Узбекистана и местные респонденты. Так, мигранты из Кыргызстана определяются как люди (1) или родившиеся в Кыргызстане, (2) или имеющие гражданство Кыргызстана (в том числе двойное), (3) проживающие в Москве/России, (4) отреагировавшие на рекламное объявление для кыргызов. Схожим образом определяются и мигранты из Узбекистана. Под ними понимаются респонденты (1) или родившиеся в Узбекистане, (2) или имеющие гражданство Узбекистана, (3) проживающие в Москве/России, и (4) отреагировавшие на рекламное объявление для узбеков. Под местными респондентами понимаются респонденты, которые (1) родились в России или РСФСР, (2) являются гражданами России (в том числе имеют двойное гражданство, но не гражданство Узбекистана или Кыргызстана), (3) на данный момент проживают в Москве/России, (4) увидели рекламное объявление для местных жителей на русском языке.

Четыре стратегии, которые находятся в центре этого исследования, сконструированы на основании переменных, описывающих степень согласия или несогласия респондентов по 4-балльной шкале с двумя высказываниями: (1) «Последнее время я стал внимательнее к потребностям малознакомых людей, пытаюсь в случае чего помочь» и (2) «Высшее руководство России делает все необходимое для предотвращения распространения коронавируса». Первую переменную мы интерпретируем как показатель уровня солидарности, вторую — как уровень доверия

государству. Для того чтобы сконструировать переменную, описывающую стратегии, эти две переменные были перекодированы в бинарные (вместо «полностью не согласен» и «скорее не согласен» — просто «не согласен», вместо «полностью согласен» и «скорее согласен» — просто «согласен»), а их сочетание легло в основу четырех стратегий (см. табл. 1).

Таблица 1. Конструирование переменных, описывающих стратегии

		«Высшее руководство России делает все необходимое для предотвращения распространения коронавируса»	
		Согласие	Несогласие
«Последнее время я стал внимательнее к потребностям малознакомых людей, пытаюсь в случае чего помочь»	Согласие	Стратегия (1): солидарность (+), доверие государству (+)	Стратегия (3): солидарность (+), доверие государству (–)
	Несогласие	Стратегия (2): солидарность (–), доверие государству (+)	Стратегия (4): солидарность (–), доверие государству (–)

Описание контекста

В марте 2020 г. Россия закрыла границы, и большая часть мигрантов, находившихся в стране на тот момент, не успели выехать. Число единовременно пребывающих в РФ иностранцев в последние годы колеблется около отметки в 10 млн из них порядка 4 млн — это те, кто при въезде указал в качестве цели поездки «работу» [Российская экономика..., 2020]. Среди них преобладают граждане трех среднеазиатских государств: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Кроме того, часть мигрантов из этих стран, натурализовавшись, продолжают жить транснационально: их число оценить затруднительно, но только за 2019 г. оно увеличилось на 75 тыс.⁵

Многие мигранты работали в наиболее пострадавших от карантинных мер сферах, таких как общественное питание, обслуживание и торговля. Согласно результатам нашего опроса, по России в целом среди мигрантов, которые до начала кризиса были наемными работниками, потеряли работу 40% (среди местных аналогичный показатель составил 23%), а другие 35% ушли в неоплачиваемый отпуск (среди местных — 25%). Это означает, что без регулярного дохода остались 75% мигрантов (см. приложение 1). В предыдущих кризисных ситуациях, например в кризис 2018 г., мигранты, теряя работу, уезжали домой, чтобы переждать тяжелое время там. Кризис 2020 г. такой возможности им не дал. Финансовые резервы мигрантов довольно скромные: согласно данным опроса, только у 10% из них были накопления, на которые можно было бы прожить дольше, чем три месяца — столько длился карантин (у местных жителей аналогичный показатель составил 22%) (см. приложение 2). Это объясняется не столько уровнем доходов, сколько распределением

⁵ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года с распределением по странам и регионам. МВД. 2020. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (дата обращения: 30.06.2020).

бюджета: многие мигранты отсылают деньги в родные страны [Rocheva, Varshaver, 2017], и денежные переводы мигрантов составляют около трети ВВП Таджикистана и Кыргызстана и около 15% ВВП Узбекистана⁶. Все это создает предпосылки к тому, чтобы описать экономическое положение «застрявших» в России мигрантов как бедственное. Но есть еще одно измерение уязвимости мигрантов перед лицом пандемии — эпидемиологические риски. Условия проживания мигрантов, особенно в Москве, характеризуются скученностью: согласно данным нашего опроса, среднее число людей, проживающих вместе с мигрантом, в два раза выше, чем с местным жителем (3,94 против 1,86 по России и 4,33 против 2,13 по Москве соответственно). Скученность проживания мигрантов, о которой свидетельствуют и другие исследования⁷, означает, что мигранты могут быть особенно подвержены риску передачи вируса и уровень заболеваемости среди них может быть выше, тогда как их доступ к российской системе здравоохранения ограничен [Кузнецова, Мухарямова, 2014; Demintseva, Kashnitsky, 2016].

Все это позволяет охарактеризовать положение мигрантов во время коронавируса в России как чрезвычайно уязвимое в плане как экономических, так и эпидемиологических рисков. Драматичность положения мигрантов была отражена в ряде публикаций СМИ⁸. Тем не менее консультации с экспертами из числа правозащитников, журналистов и врачей, проведенные в ходе подготовки статьи, а также анализ данных МВД⁹ позволяют предположить, что самые страшные прогнозы не оправдались. Несмотря на масштабные потери на рынке труда, не случилось ни ситуаций массового голода или бездомности, ни повышения уровня преступности. Нельзя говорить и о том, что произошли какие-либо массовые вспышки заболевания среди мигрантов, или о том, что доля мигрантов среди нуждавшихся в медицинской помощи была аномально высокой. В целом крайне неблагоприятные «исходные условия» не привели к тем чрезвычайно драматичным последствиям, которых можно было бы ожидать. В свете этого мы можем с осторожностью — поскольку эта тема все же требует дальнейшего исследования — предполагать, что стратегии мигрантов в ситуации коронавирусной пандемии оказались вполне успешными. В чем они заключались, будет показано в следующей части.

Результаты исследования

Сначала мы проанализируем, насколько мигранты ориентированы на солидарность и в какой степени доверяют государству, после чего продемонстрируем, какие стратегии, характеризующиеся высоким или низким уровнем солидарности

⁶ Personal remittances, received (% of GDP). World Bank staff estimates based on IMF balance of payments data, and World Bank and OECD GDP estimates. *World Bank*. 2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?most_recent_value_desc=true (accessed: 22.07.2020).

⁷ Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2011. № . 465—466. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php> (дата обращения: 12.11.2020).

⁸ См., например, Иващенко Е. «Врачи спрашивают страховку и регистрацию» // Фергана. 2020. 21 апреля. URL: <https://fergana.ru/articles/117247/> (дата обращения: 22.07.2020); Иващенко Е. «Выгнали на улицу, когда я заболел» // Фергана. 2020. 12 мая. URL: <https://fergana.ru/articles/117910/> (дата обращения: 22.07.2020).

⁹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — апрель 2020 года. МВД, РФ. 2020. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20176492/> (дата обращения: 22.06.2020).

и доверием или недоверием государству, были среди них распространены в период действия карантинных мер весной 2020 г.

Две трети мигрантов (69% в Москве и 68% в России) выразили полное или частичное согласие с высказыванием, характеризующим установку на солидарность («Последнее время я стал внимательнее к потребностям малознакомых людей, пытаюсь в случае чего помочь»), причем большинство согласились с ним полностью (см. табл. 2). Можно было бы предположить, что это отражение некоторого общего настроения, преобладавшего в России в это время, однако сравнение с ответами немигрантов это предположение не подтверждает. Среди местных респондентов полностью или частично согласились с этим высказыванием только 44% опрошенных в России и 37% в Москве, а самым популярным ответом был «скорее не согласен» (31% в России и 37% в Москве). Мы можем трактовать эту шкалу следующим образом: тот, кто «полностью не согласен» с предложенным высказыванием, не стал внимательнее к малознакомым людям, а напротив, мог стать и менее внимательным, замкнувшись на собственных проблемах и трудностях близких людей. Тот, кто «скорее не согласен», возможно, значительным образом свое поведение не изменил. Частичное или полное согласие может свидетельствовать, в свою очередь, о росте ориентации на социальную сплоченность. При такой интерпретации логично заключить, что среди мигрантов с гораздо большей вероятностью уровень солидарности вырос. Кроме того, мигранты из Кыргызстана, судя по всему, более ориентированы на помощь другим людям, чем мигранты из Узбекистана.

Таблица 2. **Уровень солидарности среди мигрантов и местных респондентов (в %)**

Группы респондентов		Степень согласия с утверждением «Последнее время я стал внимательнее к потребностям малознакомых людей, пытаюсь в случае чего помочь»					Итого	Chi-квадрат Пирсона
		Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен			
Россия (N = 1011)	Местные (N = 465)	24	31	29	15	100	79,630***	
	Мигранты (N = 546)	13	19	31	38	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 287)	9	17	34	40	100	12,994**	
	Мигранты из Узбекистана (N = 259)	17	21	26	35	100		
Москва (N = 1063)	Местные (N = 512)	27	37	29	8	100	176,906***	
	Мигранты (N = 551)	14	18	26	42	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 300)	8	19	25	47	100	21,502***	
	Мигранты из Узбекистана (N = 251)	22	16	26	36	100		

Примечание. Здесь и далее в таблицах: *** $p < 0,001$; ** $0,001 \leq p < 0,01$; * $0,01 \leq p < 0,05$. В связи с округлением общая сумма по столбцу/строке может быть не равна 100%.

Мигранты больше чем в половине случаев выражают доверие российскому государству — соглашаются, полностью или частично, с высказыванием «Высшее руководство России делает все необходимое для предотвращения распространения коронавируса» (60 % в России и 63 % в Москве) (см. табл. 3). Опять же, нельзя сказать, что это общее настроение в стране, поскольку среди местных респондентов выражают доверие государству только 39 % опрошенных в России и 42 % в Москве. В Москве мигранты из Кыргызстана в целом больше доверяют российскому государству, чем мигранты из Узбекистана (70 % против 54 %), в России в целом статистически значимой разницы между этими двумя группами нет.

Таблица 3. **Уровень доверия государству среди мигрантов и местных респондентов (в %)**

Группы респондентов		Степень согласия с утверждением «Высшее руководство России делает все необходимое для предотвращения распространения коронавируса»					Итого	Хи-квадрат Пирсона
		Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен			
Россия (N = 1011)	Местные (N = 465)	32	29	26	13	100	78,541***	
	Мигранты (N = 546)	17	23	25	35	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 287)	14	20	27	39	100	7,163	
	Мигранты из Узбекистана (N = 259)	20	25	24	31	100		
Москва (N = 1063)	Местные (N = 512)	25	33	32	10	100	109,594***	
	Мигранты (N = 551)	17	21	26	37	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 300)	13	17	29	41	100	14,702**	
	Мигранты из Узбекистана (N = 251)	20	26	22	32	100		

Для более чем половины мигрантов и в России в целом, и в Москве в частности характерны стратегии, предполагающие или высокий уровень солидарности, или доверие государству, или и то, и другое одновременно (53 % в России и 57 % в Москве) (см. табл. 4). При этом среди указанных трех стратегий наиболее распространена та, что сопряжена одновременно с высоким уровнем солидарности и с доверием государству (20 % в России и 22 % в Москве). В свою очередь, стратегия, связанная с низким уровнем солидарности и недоверием государству, зафиксирована среди 47 % мигрантов в России и 43 % в Москве. Это разительным образом отличается от ситуации местных респондентов, для подавляющего большинства которых наиболее близка стратегия, описываемая низким уровнем солидарности и недоверием государству (75 % в России и 85 % в Москве), а стратегия, предполагающая высокий уровень солидарности и доверие государству, среди них встречается реже всего (4 % в России и 3 % в Москве).

Сравнение мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана показывает, что в Москве первые чаще характеризуются «двойной положительной» стратегией (высокий уровень солидарности и доверие государству) и реже — «двойной отрицательной» (низкий уровень солидарности и недоверие государству). В России в целом между этими двумя группами нет статистически значимой разницы.

Таблица 4. **Распространенность стратегий среди мигрантов и местных респондентов (в %)**

Группы респондентов		Стратегия сообщества: ориентация на солидарность и доверие государству					Итого	Chi-квадрат Пирсона
		Солидарность (-), доверие государству (-)	Солидарность (-), доверие государству (+)	Солидарность (+), доверие государству (+)	Солидарность (+), доверие государству (-)			
Россия (N = 1011)	Местные (N = 465)	75	9	4	12	100	100,862***	
	Мигранты (N = 546)	47	15	20	18	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 287)	44	16	23	17	100	4,225	
	Мигранты из Узбекистана (N = 259)	50	15	17	19	100		
Москва (N = 1063)	Местные (N = 512)	85	7	3	5	100	211,829***	
	Мигранты (N = 551)	43	15	22	20	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 300)	37	15	26	22	100	9,440*	
	Мигранты из Узбекистана (N = 251)	49	14	18	19	100		

Обсуждение результатов и заключение

Мы выяснили, что среди мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана в период карантинных ограничений весной 2020 г. преобладали стратегии, связанные или с высоким уровнем солидарности, или с доверием государству, или с тем и другим одновременно. Сравнивая их с местными жителями, мы можем сделать вывод, что это не общие для всех, кто оказался на территории России в месяцы пандемии, настроения: местные жители, в отличие от мигрантов, в подавляющем большинстве стали придерживаться стратегии «двойного отрицания», предполагающей низкий

уровень солидарности и недоверие государству. Работы, написанные в рамках исследований катастроф, свидетельствуют о том, что стратегии, сопряженные с высоким уровнем солидарности и/или доверием государству, позволяют сообществам пережить катастрофическую ситуацию с меньшими потерями и быстрее восстановиться.

Потери мигрантов в России от введения карантинных мер были значительными, однако не настолько драматичными, как можно было бы ожидать: массовых ситуаций голода и бездомности, а также чрезвычайно высокой заболеваемости с тяжелым течением болезни, требующей госпитализации, среди них, по всей видимости, не случилось. На имеющихся данных говорить о строгой причинно-следственной связи между стратегиями мигрантов и относительной успешностью переживания ими кризиса, вызванного пандемией коронавируса, довольно сложно. Тем не менее мы предполагаем наличие этой связи, и опосредоваться она могла следующими механизмами: доверяя государству, мигранты могли быть более склонны выполнять инструкции, исходящие от него, касались ли они возможности выйти из дома или вызывать врача в случае симптомов, позволяющих заподозрить коронавирус. Действительно, согласно нашим данным, в Москве мигранты в недели самоизоляции реже, чем местные жители, выходили из дома с рекреационными целями — встретиться с друзьями, позаниматься спортом или прогуляться на свежем воздухе: 52 % против 58 % соответственно (см. приложение 3). В Москве и в России в целом мигранты выражали большую готовность вызвать врача в случае «коронавирусных» симптомов, чем местные жители (91 % против 84 % в России и 94 % против 83 % в Москве) (см. приложение 4) — то есть вели себя более «дисциплинированно». Готовность соблюдать установленные государством правила может быть связана и с тем, что лишний выход из дома для мигранта мог привести к выписанному протоколу об административном правонарушении, который, в свою очередь, может грозить иностранному гражданину закрытием въезда в Россию на несколько лет, депортацией или административным выдворением. Что касается солидарности, то ее высокий уровень среди мигрантов свидетельствует, вероятно, об интенсификации взаимопомощи и перераспределении даже скудных ресурсов. Строго говоря, сама формулировка вопроса, измеряющего уровень солидарности среди мигрантов, не свидетельствует о том, что эта солидарность ориентирована исключительно на других мигрантов. Однако оказание помощи предполагает, что адресат и источник помощи оказались в одном физическом или виртуальном пространстве, а значительная часть мигрантов из Средней Азии в России делят рабочие, резидентные и онлайн-пространства прежде всего с другими мигрантами [Rocheva, Varshaver, 2017; Varshaver, Rocheva, 2020]. В свете этого мы предполагаем, и это находит подтверждение в консультациях с экспертами, что солидарность мигрантов была направлена в первую очередь на других мигрантов. Из-за того, что передвижение в весенние месяцы 2020 г. было ограничено, а места проживания мигрантов в России, в отличие от многих других стран, распределены относительно равномерно по районам внутри одного города, можно предполагать, что особо важную роль в процессе перераспределения ресурсов среди мигрантов сыграли средства коммуникации, такие как WhatsApp, Telegram и прочие чаты,

сервисы звонков и социальные сети, а также мгновенные денежные переводы. В этом смысле не так важно, чтобы обязательно все мигранты характеризовались высоким уровнем солидарности — достаточно, чтобы в некоторой сети поддержки было хотя бы несколько человек, готовых помочь. Зафиксированные в исследовании 68 % мигрантов, которые, по их словам, стали внимательнее к окружающим людям, — это вполне достаточная доля для того, чтобы не случилось катастрофы. Помимо того, что мигранты могли оказывать помощь, переводя небольшие или даже очень маленькие суммы нуждавшимся, в оказание помощи включились фонды и посольства стран происхождения мигрантов, а также ad hoc возникавшие объединения неравнодушных людей. Виды этой помощи и их соотношение — вопрос, требующий отдельного исследования.

Еще один вопрос, который следует из результатов исследования, отражают ли зафиксированные среди мигрантов стратегии установки, распространенные в Кыргызстане и Узбекистане, или же это результат некоторого «миграционного отбора» (в Россию чаще отправляются люди, имеющие эти установки), или это специфическая для изучаемых групп мигрантов реакция на катастрофическую ситуацию. Данных, которые можно было бы привлечь в пользу того или иного варианта, чрезвычайно мало. Скорее, в пользу первого варианта свидетельствуют данные Всемирного исследования ценностей, согласно которым в Кыргызстане и Узбекистане в сравнении с Россией чаще считают, что важно делать что-то во благо общества, а также реже думают, что люди вокруг склонны их использовать¹⁰. Тем не менее этот вопрос требует дальнейшего анализа.

Исследование, кроме того, продемонстрировало различия между кыргызскими и узбекскими мигрантами: для первых характерны более высокий уровень солидарности (в Москве и в России в целом), более высокий уровень доверия государству (в Москве) и, следовательно, меньшая распространенность стратегии «двойного отрицания», предполагающей низкий уровень солидарности и недоверие государству (в Москве). Возможно, это связано в том числе с их сильной концентрацией в Московской агломерации: в российской подвыборке среди опрошенных мигрантов из Кыргызстана 64 % живут в Москве и Московской области. Более высокий уровень солидарности кыргызских мигрантов может быть вынужденной мерой: по некоторым наблюдениям, среди них была более распространена помощь на индивидуальном уровне — от мигранта к мигранту, тогда как в среде узбекских мигрантов больше работали благотворительные организации. Что касается доверия государству, то среди объясняющих факторов можно отметить, во-первых, тесные отношения Кыргызстана и России, выражением которых было действовавшее до 2012 г. соглашение, позволявшее гражданам Кыргызстана получать гражданство РФ в упрощенном порядке, а затем — вхождение Кыргызстана в ЕАЭС, которое закрепило позиции граждан Кыргызстана в РФ как привилегированные в сравнении с гражданами других стран [Иванова, Варшавер, 2018а; Иванова, Варшавер, 2018б]. Во-вторых, можно предположить, что в Узбекистане, в силу еще недавно существовавшего авторитарного политического режима, отношение к государству в целом было

¹⁰ Высказывания «It is important to this person to do something for the good of society» и «Do you think most people try to take advantage of you (10-point scale)» [World Values Survey..., 2014].

настороженным, и это отношение могло быть перенесено и на российское государство. Тем не менее это не объясняет того, что в Москве различия между двумя группами мигрантов по уровню доверия государству статистически значимы, а в России в целом — нет.

Список литературы (References)

Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. РАНХиГС, 2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3672397>.

Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020). Migrants in Russia During the COVID-19 Pandemic: Survey Results. RANEPА. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3672397>. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225—253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>.

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020). Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *The Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 2. P. 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>. (In Russ.)

Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3—17. <https://doi.org/10.31857/s2587-5566201963-17>.

Vendina O. I., Panin A. N., Tikunov V. S. (2019) Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*. No. 6. P. 3–17. <https://doi.org/10.31857/s2587-5566201963-17>. (In Russ.)

Иванова Н., Варшавер Е. Особенности правового положения трудовых мигрантов из ЕАЭС и прочих стран СНГ в России: сравнительный анализ (начало) // Миграционное право. 2018а. № 3. С. 3—8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3502752 (дата обращения: 12.11.2020).

Ivanova N., Varshaver E. (2018a) Peculiarities of the Legal Status of Labor Migrants from the EAEU and other CIS Member States in Russia: a Comparative Analysis (Beginning). *Migration Law*. No. 3. P. 3–8. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3502752 (accessed: 12.11.2020). (In Russ.)

Иванова Н., Варшавер Е. Особенности правового положения трудовых мигрантов из ЕАЭС и прочих стран СНГ в России: сравнительный анализ (окончание) // Миграционное право. 2018б. № 4. С. 9—16. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3502763 (дата обращения: 12.11.2020).

Ivanova N., Varshaver E. (2018b) Peculiarities of the Legal Status of Labor Migrants from the EAEU and other CIS Member States in Russia: a Comparative Analysis (Final Part). *Migration Law*. No. 4. P. 9–16. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3502763 (accessed: 12.11.2020). (In Russ.)

Кузнецова И., Мухарьямова Л. Трудовые мигранты в системе медицинских услуг: формальные и неформальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 7–20. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3397/2977> (дата обращения: 18.11.2020)

Kuznetsova I., Mucharyamova L. (2014) Labor Migrants and Health Care Access in Russia: Formal and Informal Strategies. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 7–20. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3397/2977> (accessed: 18.11.2020). (In Russ.)

Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 41) / под науч. ред. А. Л. Кудрина, А. Д. Радыгина, С. Г. Синельникова-Мурылева. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2019/2019.pdf> (дата обращения: 16.11.2020).

Kudrin A. L., Radygin A. D., Sinelnikov-Murylev S.G. (eds.) (2020) Russian Economy in 2019. Trends and Outlooks (Vol. 41). Moscow: Gaidar Institute. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2019/2019.pdf> (accessed: 16.11.2020). (In Russ.)

Barnett E. D., Walker P.F. (2008) Role of Immigrants and Migrants in Emerging Infectious Diseases. *Medical Clinics of North America*. Vol. 92. No. 6. P. 1447–1458. <https://doi.org/10.1016/j.mcna.2008.07.001>.

Belot M., Choi S., Jamison J.C., Papageorge N. W., Tripodi E., van den Broek-Altenburg E. (2020) Six-Country Survey on Covid-19. *Institute of Labor Economics DP*. No. 13230. (May, 2020). URL: <http://ftp.iza.org/dp13230.pdf> (accessed: 14.11.2020).

Bhopal R. S. (2020) COVID-19: Immense Necessity and Challenges in Meeting the Needs of Minorities, Especially Asylum Seekers and Undocumented Migrants. *Public Health*. Vol. 182. P. 161–162. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2020.04.010>.

Biao X., Wong T. (2003) SARS: Public Health and Social Science Perspectives. *Economic and Political Weekly*. Vol. 38. No. 25. P. 2480–2483. <https://doi.org/10.2307/4413701>.

Chamlee-Wright E., Storr V. H. (2009) Club Goods and Post-Disaster Community Return. *Rationality and Society*. Vol. 21. No. 4. P. 429–458. <https://doi.org/10.1177/1043463109337097>.

Coibion O., Gorodnichenko Y., Weber M. (2020) Labor Markets during the Covid-19 Crisis: A Preliminary View. *CESifo Working Paper*. No. 8238. Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), Munich. <https://doi.org/10.3386/w27017>.

Collins T. (2010) Marginalization, Facilitation, and the Production of Unequal Risk: The 2006 Paso del Norte Floods. *Antipode*. Vol. 42. No. 2. P. 258–288. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2009.00755.x>.

Dang H-A. H., Giang L. T. (2020) Turning Vietnam's COVID-19 Success into Economic Recovery: A Job-Focused Analysis of Individual Assessments on Their Finance and the Economy. *Global Labor Organization Discussion Paper*. No. 566. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/218863/1/GLO-DP-0566.pdf> (accessed: 16.11.2020).

- Demintseva E., Kashnitsky D. (2016) Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia. *International migration*. Vol. 54. No. 5. P. 29–42. <https://doi.org/10.1111/imig.12247>.
- Donner W., Rodríguez H. (2008) Population Composition, Migration and Inequality: The Influence of Demographic Changes on Disaster Risk and Vulnerability. *Social Forces*. Vol. 87. No. 2. P. 1089–1114. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0141>.
- Gilbert C. (1995) Studying Disaster: A Review of the Main Conceptual Tools. *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*. Vol. 13. No. 3. P. 231–240. URL: <http://www.ijmed.org/articles/319/download/> (accessed: 17.11.2020).
- Greenaway C., Gushulak B. D. (2017) Pandemics, Migration and Global Health Security. In: Brourbeau P. (ed.) *Handbook on Migration and Security*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 316–336. <https://doi.org/10.4337/9781785360497.00026>.
- Hutanuwatr K., Bolin B., Pijawka D. (2012) Vulnerability and Disaster in Thailand: Scale, Power, and Collaboration in Post-Tsunami Recovery. In: Pfeiffer K., Pfeiffer N. (eds.) *Forces of Nature and Cultural Responses*. New York, NY: Springer. P. 69–92. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5000-5_5.
- Ivakhnyuk I. (2020) Coronavirus Pandemic Challenges Migrants Worldwide and in Russia. *Population and Economics*. Vol. 4. No. 2. P. 49–55. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53201>.
- Kluge H. H. P., Jakab Z., Bartovic J., D'Anna V., Severoni S. (2020) Refugee and Migrant Health in the COVID-19 Response. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10232. P. 1237–1239. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30791-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30791-1).
- Li W., Airriess C. A., Chen A. C. C., Leong K. J., Keith V. (2010) Katrina and Migration: Evacuation and Return by African Americans and Vietnamese Americans in an Eastern New Orleans Suburb. *The Professional Geographer*. Vol. 62. No. 1. P. 103–118. <https://doi.org/10.1080/00330120903404934>.
- Lidskog R. (2018) Invented Communities and Social Vulnerability: The Local Post-Disaster Dynamics of Extreme Environmental Events. *Sustainability*. Vol. 10. No. 12. P. 4457. <https://doi.org/10.3390/su10124457>.
- Onoma A. K. (2017) The Making of Dangerous Communities: the «Peul-Fouta» in Ebola-Weary Senegal. *Africa Spectrum*. Vol. 52. No. 2. P. 29–51. <https://doi.org/10.1177/000203971705200202>.
- Onoma A. K. (2018) Epidemics and Intra-Communal Contestations: Ekeh, 'les Guinéens' and Ebola in West Africa. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 56. No. 4. P. 595–617. <https://doi.org/10.1017/S0022278X18000563>.
- Onoma A. K. (2019) Xenophobia's Contours During an Ebola Epidemic: Proximity and the Targeting of Peul Migrants in Senegal. *African Studies Review*. Vol. 63. No. 2. P. 353–374. <https://doi.org/10.1017/asr.2019.38>.

Peacock W. G., Girard C. (1997) Ethnic and Racial Inequalities in Disaster Damage and Insurance Settlements. In: Peacock W. G., Morrow B. H., Gladwin H. (eds.) *Hurricane Andrew: Ethnicity, Gender, and the Sociology of Disasters*. London; New York, NY: Routledge. P. 171–190.

Perrotta D., Grow A., Rampazzo F., Cimentada J., Del Fava E., Gil-Clavel S., Zagheni E. (2020) Behaviors and Attitudes in Response to the COVID-19 Pandemic: Insights from a Cross-National Facebook Survey. *medRxiv*. <https://doi.org/10.1101/2020.05.09.20096388>.

Pyles L., Cross T. (2008) Community Revitalization in Post-Katrina New Orleans: A Critical Analysis of Social Capital in an African American Neighborhood. *Journal of Community Practice*. Vol. 16. No. 4. P. 383–401. <https://doi.org/10.1080/10705420802475050>.

Ratha D. K., De S., Kim E. J., Plaza S., Seshan G. K., Yameogo N. D. (2020) COVID-19 Crisis through a Migration Lens. *Migration and Development Brief* 32. World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens> (accessed: 18.11.2020).

Rocheva A., Varshaver E. (2017) Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation. *Asia-Pacific Population Journal*. Vol. 32. No. 2. P. 87–136. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3502749>.

Uekusa S. (2020) The Paradox of Social Capital: A Case of Immigrants, Refugees and Linguistic Minorities in The Canterbury and Tohoku Disasters. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 48. 101625. <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2020.101625>.

Varshaver E., Rocheva A. (2020) “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration*. <https://doi.org/10.1007/s12134-019-00742-4>.

Vieira C. M., Franco O. H., Restrepo C. G., Abel T. (2020) COVID-19: The Forgotten Priorities of the Pandemic. *Maturitas*. Vol. 136. P. 38–41. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2020.04.004>.

Vonen H. D., Olsen M. L., Eriksen S. S., Jervelund S. S., Eikemo T. A. (2020) Refugee Camps and COVID-19: Can We Prevent a Humanitarian Crisis? *Scandinavian Journal of Public Health. Online First*. <https://doi.org/10.1177/1403494820934952>.

Wickramage K., Peiris S., Agampodi S. B. (2013) “Don’t Forget the Migrants”: Exploring Preparedness and Response Strategies to Combat the Potential Spread of MERS-CoV Virus Through Migrant Workers in Sri Lanka. *F1000Research*. Vol. 2. P. 163. <https://doi.org/10.12688/f1000research.2-163.v1>.

World Values Survey. Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (eds.) (2014) World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile. Madrid: JD Systems Institute. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed: 17.11.2020).

Приложение 1

Таблица. Что произошло с наемными работниками с начала марта (в %)

Группы респондентов		Если респондент был наемным работником, что из этого с ним произошло								
		Респондент потерял работу	Респондент ушел в отпуск с сохранением зарплаты или на объявленные «выходные»	Респондент ушел в отпуск без сохранения заработной платы (отпуск за свой счет)	Респонденту «урезали» зарплату	Респондент перешел на удаленную работу	Респондент перешел на другую работу	Респондент стал получать пособие по безработице	Ничего из этого с начала марта с респондентом не произошло	Итого (Есть ответ на вопрос)
Россия (N = 478)	Местные (N = 213)	23	11	25	17	12	2	0	31	121
	Мигранты (N = 265)	40	5	35	17	7	2	1	23	130
	Хи-квадрат Пирсона	15,296***	5,779*	5,804*	0	4,142*	0	1,614	4,287*	N/A
	Мигранты из Кыргызстана (N = 175)	38	6	39	18	7	2	1	21	132
	Мигранты из Узбекистана (N = 90)	46	4	28	17	6	2	1	27	131
	Хи-квадрат Пирсона	1,518	0,192	3,203	0,045	0,329	0,083	0,231	1,023	N/A
Москва (N = 552)	Местные (N = 233)	21	19	22	21	22	3	1	22	131
	Мигранты (N = 319)	38	3	38	18	7	2	0	20	126
	Хи-квадрат Пирсона	18,047***	37,843***	15,254***	0,653	24,991***	0,782	2,748	0,272	N/A
	Мигранты из Кыргызстана (N = 205)	43	2	39	19	6	2	0	17	128
	Мигранты из Узбекистана (N = 114)	29	4	37	17	10	2	0	26	125
	Хи-квадрат Пирсона	6,081*	0,915	0,089	0,175	1,577	0,16	N/A	4,325*	N/A

Примечание. Формулировка вопроса: «Сейчас сложное, динамичное время, в ходе которого могло произойти много всего. Отметьте ВСЕ, что произошло с Вами с начала марта (Можно выбрать несколько вариантов ответа)».

Приложение 2

Таблица. **Время, в течение которого респондент сможет продержаться на накоплениях (в %)**

Группы респондентов		Как долго Вы сможете продержаться на этих накоплениях?							Итого	Хи-квадрат Пирсона
		1 неделя	2 недели — 1 месяц	2—3 месяца	4—6 месяцев	7 месяцев — 1 год	более 1 года			
Россия (N = 396)	Местные (N = 168)	14	41	23	10	5	7	100	12,108*	
	Мигранты (N = 228)	17	49	23	4	1	5	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 108)	16	54	19	4	1	6	100	3,222	
	Мигранты из Узбекистана (N = 120)	18	45	27	4	2	4	100		
Москва (N = 431)	Местные (N = 220)	6	32	28	17	7	10	100	39,179***	
	Мигранты (N = 211)	16	48	23	5	2	6	100		
	Мигранты из Кыргызстана (N = 110)	17	56	19	2	2	4	100	11,663*	
	Мигранты из Узбекистана (N = 101)	14	40	28	8	2	9	100		

Примечание. Вопрос задавался только тем, кто ответил, что имеет некоторые накопления.

Приложение 3

Таблица. **Выход из дома с рекреационными целями в течение последней недели (в %)**

Группы респондентов		Выходил встретиться с друзьями, прогуляться или заняться спортом			
		Ни разу не выходил встретиться с друзьями, прогуляться или заняться спортом	Хотя бы раз выходил встретиться с друзьями, прогуляться или заняться спортом	Итого	Хи-квадрат Пирсона
Россия (N = 1011)	Местные (N = 465)	37	63	100	0,902
	Мигранты (N = 546)	34	66	100	
	Мигранты из Кыргызстана (N = 287)	33	67	100	0,017
	Мигранты из Узбекистана (N = 259)	34	66	100	
Москва (N = 1063)	Местные (N = 512)	42	58	100	4,521*
	Мигранты (N = 551)	48	52	100	
	Мигранты из Кыргызстана (N = 287)	53	47	100	5,515*
	Мигранты из Узбекистана (N = 259)	43	57	100	

Приложение 4

Таблица. **Готовность обратиться к врачу или вызвать скорую помощь при симптомах COVID (в %)**

Группы респондентов		Обратится ли к врачу или вызовет скорую при симптомах COVID (виньетка)					Хи-квадрат Пирсона
		Точно да	Скорее всего да	Скорее всего нет	Точно нет	Итого	
Россия (N = 823)	Местные (N = 421)	55	29	7	8	100	35,549***
	Мигранты (N = 402)	75	16	5	3	100	
	Мигранты из Кыргызстана (N = 210)	70	18	7	5	100	8,773*
	Мигранты из Узбекистана (N = 192)	80	15	3	2	100	
Москва (N = 885)	Местные (N = 480)	63	23	9	6	100	33,825***
	Мигранты (N = 405)	80	14	3	2	100	
	Мигранты из Кыргызстана (N = 217)	80	15	3	2	100	1,245
	Мигранты из Узбекистана (N = 188)	80	13	4	3	100	

Примечание. Формулировка вопроса: «Сейчас эпидемия коронавируса. Представьте себе (не дай бог) такую ситуацию. Вы просыпаетесь завтра утром, там, где Вы сейчас живете, а у Вас болит горло, температура выше 38 и ломот все тело. Проходят сутки, ничего не меняется. Вызовите ли Вы в такой ситуации врача или скорую помощь? 1) Точно вызову. 2) Скорее всего вызову. 3) Скорее всего не вызову. 4) Точно не вызову».